

ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЧЕСКУЮ ЖИВОПИСЬ¹

[271]

Мир праху твоему, святой, великий и последний потомок Рафаэля! С твоей смертью, благородный Иванов, окончилось существование исторической религиозной живописи в том смысле, как ее понимал и которою жил Рафаэль. Ты стоишь последним и запоздавшим представителем, и в этой-то запоздалости причина твоей смерти и судьба картины между твоими современниками. Но твое позднее появление в Мире не случайное, а составляющее рубеж и связь с будущими историческими художниками, которые будут трудиться на пути, тобою указанном, проявляя то же в других образцах. Твоя картина будет школой, в которой окрепнут иные деятели, и она же укажет многим из молодого поколения их назначение. Час старой исторической живописи пробил, и перед твоею картиною не один из юных художников искренно помолится и искренно заплачет в глубине духа об утрате веры в людей, и не одного из них вылечит ужасающий вопль о пустоте и бесплодности человеческого сердца, и не один из них почувствует исполинскую силу для представления всего безобразия и пустынности человеческого рода и всего того, к чему пришло человечество с своим эгоизмом, безверием и знанием. Да, твоя картина — для художников!.. Что такое понимается в настоящее время под словом «историческая живопись» представителями искусства? Или они и сами не вникают в смысл, а трактуют о ней по известным наружным признакам, как-то: тогам, сандалиям, драпировкам и археологической верности утвари; или же ничего не подразумевают, а оставляют развитие молодых людей на произвол заведенного порядка. И того и другого следствием бывает смерть талантов, недостаточно сильных уничтожить увековеченные порядки, как по неправильному направлению, полученному в ранней молодости, так и по недостатку средств к развитию. И вот является картина, великая по идее, замечательная по исполнению и истинно историческая по духу, и что же? Руководители искусства не нашли в ней творчества, композиции, и объ-

¹ И.Н. Крамской, *Письма, статьи*, том 2 (Москва: Искусство, 1966).

[272]

вили вещь плохой и несогласной с законами исторической живописи! А публика? А публика живет другой жизнью, жизнью Фауста, и в ней нет уже тех элементов, из которых вылилась эта картина,— она утратила веру, она погружена в свои ученые результаты, она гордится своим знанием, она поклоняется иному богу, и ей ли слушать слова пророков, когда она им уже не верит, ей ли вслушиваться в слова спасителя, когда она уже их взвесила и отвела место ему между гениями земли? Нет, она уже не может увлекаться этим, она переросла этот период! И вот участь этого произведения решена, а с нею вместе и участь художника — творца ее. И он умер. Да он и не мог жить одной головой, без участия сердца,— ему надобна жизнь полная, человеческая. А чем же он будет дышать, когда элемент питания сердца был отнят у него, как только он стал лицом к лицу с действительностью?.. И пал он, великий, и ни в ком в публике не дрогнуло сердце,— только художники почувствовали себя осиротевшими, и только у них вырвался болезненный стон.

Да, мир твоему праху, великий Иванов! Другого Иванова не будет, потому что художник настоящий и художник будущий, верный своему идеалу, станет подслушивать биение пульса человеческой жизни теперь, для того чтобы уразуметь и определить, как доктору, род болезни...

До этой роковой минуты художник привык думать, что историческая живопись Рафаэля, Леонардо-Винчи, Корреджио, Мурильо и др. существует и живет, а что нет только великого таланта, чтобы заставить увлечься публику, и он скорее готов клеветать на себя, чем на общество; но факт такой яркий, потрясающий, совершившийся на его глазах, вывел его из этого ложного убеждения, и он остался с разбитым сердцем и с недоумением, ни к чему его не приводящим, как только к тому, что историческая живопись пала. Но забыл он, бедный, второпях, что он живет и что живет еще и род людской, а пока живут люди, живет история! Разве ж в самом деле, век теперешний не есть достояние истории, разве он будет пробелом в ней и мы не будем жить в потомстве? Нет, он будет принадлежать истории, хоть бы ей пришлось сказать о нас, что мы ничего не сделали и ничего не прибавили в сокровищницу бога, к оправданию себя перед ним за жизнь свою, и что мы только были довольны тем, что уже все знаем. Итак, настоящему художнику предстоит громадный труд закричать миру громко, во всеуслышание все то, что скажет о нем история, поставить пред

лицом людей зеркало, от которого бы сердце их забило тревогу, и заставить каждого сказать, что он увидит там свой портрет, и тот только будет истинным историческим художником, кто, оставшись верным своему идеалу и началу всего изящного в природе, покажет расстояние, отделяющее начало от его проявления. Хотя и жаль, и грустно расстаться с образцами древних,— художник должен пожертвовать своею любовью для любви к людям. Он должен расстаться с ними и потому, что вечная красота, которой поклонялись древние художники, невидима между людьми и что с этой веч-

[273]

ной красоты дерзкая пытливость и самопоклонение сорвали покрывало, под которым она жила между ними; сорвали покрывало с религии, бытия мира сего и не нашли под ним ничего.

И вот, раздался хохот искусителя, торжествовавшего свою последнюю победу над бедным человечеством, и к нему присоединились дерзкие хулители вечной правды, и мир увидал, что действительно пьедестал опустел,— забыв завет бога и собственные убеждения, что не может красота вечная и божественная быть явлена очам неправедных, лукавых и искушающих...

Но в самом ли деле идеала нет нигде, если его нет на пьедестале?.. На вопрос этот ответит художник, верный идеалу и живущий полной жизнью,: художник, который заговорит с миром на языке, понятном всем народам, художник, подслушавший последнее предсмертное биение сердца зла, художник, который угадает исторический момент в теперешней жизни людей, в теперешнем повороте и последнем возрасте мира,— в возрасте знания и убеждения... И обо всем этом скажет в свое время исторический художник!..